

KASSANDRA MOON

ОН — МОЯ
ГЛАВНАЯ
ОШИБКА.

Любимая
ЛИСИЧКА
СВОДНОГО

МЫ НЕ ДОЛЖНЫ БЫЛИ ВЛЮБЛЯТЬСЯ.

18+

Kassandra Moon

Любимая Лисичка сводного

«Литнет»

2025

Moon K.

Любимая Лисичка сводного / К. Moon — «Литнет», 2025

А может... выйти замуж. Размазать. Наблюдать. Сделать всё по его сценарию, но с моим финалом. «Эффект зеркала», как я это называю. Пусть почувствует то же, что и я. Пусть узнает вкус предательства на собственных губах. Вы скажете — жестоко. Осудите. Швырнете «ссаными тапками». Но вы не были на моём месте. Не стояли у края, когда земля уходит из-под ног, а вокруг — лишь равнодушные лица. Не пытались собрать себя по кусочкам, когда кажется, что больше не осталось ни сил, ни смысла. А если были — то почему так уверены, что поступили бы иначе? Я не мстительница из романа. Я просто женщина, которая слишком долго молчала. Которую слишком долго считали слабой. Которую учили прощать, терпеть, понимать, идти на компромисс. Теперь у меня есть сила. И выбор. Так почему бы не использовать их?

© Moon K., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	7
Глава 3.	11
Глава 4.	15
Глава 5.	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Глава 1.

— Ты очень противный человек! Вот прямо фу! — визжу, испепеляя наглеца взглядом.

— Лисичка... Не зли меня, — рычит сводный брат.

— Не смей! — размахиваю руками. — Ты не имеешь права так называть меня! Особенно после того, что сделал!

Мой сводный брат — самоуверенный, наглый индюк, возомнивший себя королём. Он считает, что ему дозволено всё: всех можно купить, заставить, уговорить. Но я не попадусь на его удочку. Нетушки. Ни за какие коврижки!

Одного раза мне хватило за глаза. Я была глупой дурочкой — молодой и влюблённой. А он просто размазал мою любовь по асфальту, разбил сердце на маленькие кусочки, публично унизил.

И вот, спустя пять лет, он снова врывается в мою жизнь и рушит всё на своём пути. Наши родители поженились — это был худший день в моей жизни.

Теперь каждое утро начинается с его самодовольной ухмылки за завтраком. Каждое совещание на работе (о да, мы теперь коллеги!) превращается в молчаливую войну взглядов. Он будто специально поджидает момента, чтобы напомнить: «Я здесь. И никуда ты от меня не денешься».

А я... Я сжимаю кулаки под столом и повторяю про себя: «Не поддавайся. Не давай ему ни единого шанса». Но каждый раз, когда наши глаза встречаются, внутри что-то ёкает. И это бесит меня ещё сильнее.

— Отпусти прошлое, сладкая, — щебечет индюк сладким голосом. А у меня внутри всё переворачивается.

— Отпустить?! — визжу. — Мне до сих пор припоминают то, что было в универе! Ты унизил меня, Антон! Унизил — и даже не попросил прощения!

— Хочешь, чтобы я на коленях ползал? Хочешь, чтобы умолял?

— Нет, — качаю головой. — Сейчас я хочу, чтобы ты перестал меня доставать. Я хочу спокойно работать, не ощущая твоего взгляда и не слыша твоих комментариев в мой адрес.

— Хмм... — проводит рукой по волосам. — Я не виноват, Лисичка.

— Что? — хлопаю глазами.

Он подаётся вперёд, его дыхание обжигает кожу. Аромат мяты, исходящий от него, туманит разум. Сердце бешено стучит. Ладони потеют. Пульс долбит в висках. Чёрт... Ну вот опять. Ну что за гад?!

— Я не виноват, что хочу тебя до жгучего бешенства, — проводит носом по моей шее. — Трахнул раз — трахну и два.

И тут меня словно обухом по голове огрели. Я отстраняюсь и даю ему пощёчину — да так, что у него голова, как у куклы, отскакивает в сторону.

В комнате повисает тяжёлая тишина. Слышу лишь своё прерывистое дыхание и глухой стук крови в ушах. Антон медленно поворачивает голову обратно, касается пальцами щеки. В его глазах — ни тени раскаяния, лишь холодная, расчётливая ярость.

— Зря ты это сделала, — произносит он тихо, почти шёпотом.

Я сжимаю кулаки, стараясь унять дрожь в пальцах.

— А что, боишься? — выпаливаю, сама не веря собственной смелости. — Боишься, что я могу дать отпор? Что больше не буду той наивной дурочкой, которую ты растоптал пять лет назад?

Он делает шаг ко мне, но я не отступаю. Ни за что. Не сейчас. Не в этот раз.

— Ты всё та же, — ухмыляется он. — Такая же дерзкая, такая же безрассудная. Только теперь ещё и опасная. Мне это нравится.

— Тебе ничего не нравится, — отрезаю я. — Ты просто не можешь смириться, что кто-то не поддался твоему обаянию. Что кто-то увидел тебя настоящего — пустого, самовлюблённого наглеца.

Антон замирает. На секунду мне кажется, что в его взгляде промелькнуло что-то человеческое. Но это длится лишь миг.

— Знаешь, что самое смешное? — он снова улыбается, но теперь эта улыбка пугает меня больше, чем его ярость. — Ты всё ещё думаешь, что это только твоя история. Что это только твоя боль, твоё унижение. А на самом деле... — он делает паузу, словно наслаждаясь моментом, — ты до сих пор принадлежишь мне.

— Ошибаешься, — шепчу я, но голос предательски дрожит.

— Посмотрим, — бросает он, разворачивается и выходит, оставив меня одну в оглушающей тишине.

Я опускаюсь в кресло, пытаюсь унять бешеный ритм сердца. Руки всё ещё дрожат. В голове крутятся его слова, его прикосновения, его взгляд. И самое страшное — я понимаю, что он прав. Хотя немного, хоть на самую малость, но прав.

Где-то вдали хлопает дверь. Я вздрагиваю. Пора взять себя в руки. Пора доказать — прежде всего себе, — что я больше не его жертва. Что я больше не позволю ему играть моими чувствами.

Но как это сделать, когда каждый его взгляд заставляет моё сердце замирать?

Глава 2.

Рабочий день в семейной фирме проходит как обычно. Коллеги снуют из стороны в сторону, словно сонные мухи. Срочные проекты сданы — мы выдохнули с облегчением.

После того как моя мама вышла замуж за отца Антона, они решили объединить фирмы. Наша юридическая контора теперь трудится на благо их семейного предприятия — «Морозов Строй Инвест». Крупнейшая строительная фирма в нашем городе. А теперь ещё и, надо признать, неплохо юридически подкованная.

Я столько училась, чтобы унаследовать фирму... Чёртово слияние! Гореть ему в аду.

Теперь мы с Антоном тут вроде мини-боссов. Формально у нас равные полномочия, но все прекрасно понимают: последнее слово — за ним. Отец Антона не скрывает, что видит в нём единственного наследника. А я... Я для них — приятный бонус, «дочь уважаемой партнёрши», которую надо держать при деле, но всерьёз не воспринимать.

Сажу в своём кабинете, разглядываю отчёты. Пальцы машинально вертят карандаш, а мысли, где-то далеко. Вспоминаю вчерашнюю сцену — пощёчину, его ледяной взгляд, эти слова: «Ты до сих пор принадлежишь мне».

— Лисичка, ты опять витаешь в облаках?

Голос Антона разрезает тишину, заставляя вздрогнуть. Он бесшумно вошёл и теперь стоит в дверях, прислонившись к косяку. Чёрный деловой костюм, идеально выглаженная рубашка, ни одной выбившейся пряди — как всегда безупречен. И как всегда невыносим.

— Не называй меня так, — цежу сквозь зубы, не отрывая взгляда от документов.

Он усмехается и проходит внутрь, небрежно опускаясь в кресло напротив.

— Работаете? Молодец. Только вот этот отчёт... — он берёт со стола папку, бегло просматривает страницы, — сделан через одно место.

— Что?! — вскидываюсь. — Этот отчёт прошёл три проверки!

— И все три проверяющие — твои подружки, — парирует он. — Посмотри сюда. — Он тычет пальцем в график. — Сроки нереальные. Бюджет завышен. А эта строчка... Ты серьёзно?

Я вглядываюсь в цифры, чувствуя, как внутри закипает ярость. Он прав. Чёрт побери, он снова прав!

— Я исправлю, — выдавливаю сквозь зубы.

— Исправишь, — кивает он. — Но не сегодня. Сегодня у нас встреча с инвесторами. Ты идёшь со мной.

— С какой стати? Это твой проект!

— Это *наш* проект, — подчёркивает он. — И, если хочешь, чтобы тебя воспринимали всерьёз, научись держать удар. Инвесторы — не твои подружки. Они сожрут тебя с потрохами, если почувствуют слабость.

Он встаёт, застёгивает пиджак.

— Через час в переговорной. И, кстати... — он оборачивается у двери, — надень что-нибудь приличное. Ты всё ещё представляешь эту фирму.

Дверь закрывается, оставляя меня одну с кипящей смесью гнева и растерянности.

Приличное... Конечно. Как будто дело только в одежде.

Бросаю взгляд на своё отражение в стекле шкафа. Строгий брючный костюм, аккуратная причёска — вполне прилично. Но для него всегда найдётся повод придаться.

Достаю телефон, набираю номер.

— Алёна, мне нужно моё короткое синее платье с большим декольте. И чёрный пиджак. И туфли. Срочно.

Пару секунд слушаю её недоумённый вопрос, потом резко обрываю:

— Нет времени объяснять. Привези всё в офис через сорок минут. Это вопрос жизни и смерти.

Отключаюсь, сжимаю телефон в руке. Пальцы чуть дрожат — то ли от злости, то ли от предвкушения.

Ну засранец татуированный. Я тебе покажу, как «прилично» я могу выглядеть. Держи челюсть, братец.

Подхожу к окну, смотрю на суевающийся внизу город. В голове уже складывается план. Не просто прийти в вызывающем наряде — это было бы слишком очевидно. Нужно сыграть тоньше.

Открываю ноутбук, нахожу письмо от координатора встречи. Быстро печатаю:

**«Уважаемые партнёры!
 В связи с техническими нюансами мы немного изменим формат сегодняшней встречи. Вместо стандартной презентации предлагаю неформальный формат — обсуждение за бокалом вина в лаунж-зоне на верхнем этаже. Время: 16:00.**

**С уважением,
 Алиса Романова,
 заместитель директора по правовым вопросам».**

Нажимаю «Отправить», прежде чем успеваю передумать. Сердце колотится как бешеное. Теперь — ждать. И готовиться.

Через полчаса Алёна влетает в кабинет с пакетами. Глаза горят любопытством, но она знает: когда я в таком состоянии, вопросы лучше задавать потом.

— Вот, всё как ты просила. Что происходит?

— Война, — коротко бросаю я, начиная переодеваться. — И сегодня я собираюсь выиграть первый бой.

Когда я поднимаюсь в лаунж-зону, часы показывают 15:55. В зеркале на ходу ловлю своё отражение: синее платье облегает фигуру, как вторая кожа, пиджак добавляет строгости, но не скрывает декольте. Туфли на высоком каблучке делают походку уверенной, почти хищной.

Антон уже там — в окружении инвесторов, привычно излучает уверенность. Завидев меня, он на секунду теряет нить разговора. Его взгляд скользит по моему наряду, и я почти слышу, как в его голове щёлкают шестерёнки: «Что это за игра?»

Я улыбаюсь — холодно, расчётливо — и направляюсь к группе.

— Добрый день, господа, — мой голос звучит ровно, профессионально. — Рада, что вы смогли прийти. Давайте начнём.

Инвесторы обмениваются вежливыми кивками, но в их взглядах читается любопытство. Ещё бы — вместо привычной конференц-комнаты их ждёт полутёмный лаунж с приглушённым светом и столиками, сервированными бокалами белого вина.

— Прежде чем мы углубимся в цифры, — продолжаю я, жестом приглашая всех присесть, — предлагаю немного расслабиться. Это неформальная встреча, и я хочу, чтобы вы почувствовали: с нами можно не просто работать — с нами можно *сотрудничать*.

Один из инвесторов, седовласый мужчина в дорогом костюме, приподнимает бровь:

— Нестандартный подход, госпожа Романова. Обычно нас сразу засыпают графиками.

— Графики будут, обещаю, — улыбаюсь я. — Но сначала — диалог. Расскажите, какие вызовы стоят перед вашими проектами? Что для вас действительно важно в партнёрстве?

Поначалу разговор идёт осторожно, но спустя десять минут атмосфера теплеет. Я ловко подхватываю реплики, задаю уточняющие вопросы, ненавязчиво перебрасываю мостик к нашим возможностям.

Краем глаза замечаю, как Антон отходит к бару. Он наливает себе виски, бросает на меня короткий, тяжёлый взгляд. В нём — смесь раздражения и невольного восхищения. «*Не ожидал, да?*» — мысленно усмехаюсь я.

Когда речь заходит о финансовых прогнозах, я делаю знак помощнице — на экран плавно выводится презентация. Никаких скучных таблиц: только ключевые метрики, визуализированные в виде динамичных графиков.

— Вот здесь, — указываю на экран, — вы видите рост рентабельности за последний квартал. А этот сегмент показывает потенциал масштабирования в смежных отраслях.

Инвесторы наклоняются вперёд, заинтересованно перешёптываясь. Я чувствую, как напряжение в комнате сменяется живым интересом.

— Впечатляет, — кивает седовласый. — И кто отвечает за эту часть стратегии?

— Я, — отвечаю без паузы. — Вместе с командой юристов мы пересмотрели контракты с подрядчиками, что позволило сократить издержки на 12 %.

Антон, до этого молча наблюдавший со стороны, вдруг шагнул вперёд:

— На самом деле, — его голос звучит мягко, но твёрдо, — это было *наше* совместное решение. Мы с Елизаветой давно обсуждали оптимизацию этой цепочки.

Я едва сдерживаюсь, чтобы не закатыть глаза. *«Ах, так мы теперь команда?»*

— Конечно, — киваю с ледяной вежливостью. — Антон внёс неоценимый вклад. Без его поддержки мы бы не смогли провести аудит так оперативно.

Наши взгляды скрещиваются — в его глазах читается вызов, в моих — неприкрытая ирония.

— Кстати, — поворачиваюсь к инвесторам, — если у вас есть вопросы по юридическим аспектам, Антон с радостью ответит. Он, как никто, знает все подводные камни наших контрактов.

Улыбка Антона на долю секунды становится жёстче. Он понимает: я только что бросила его на амбразуру. Теперь ему придётся разбираться с самыми занудными деталями, пока я буду держать фокус на общей картине.

Седовласый инвестор уже достаёт блокнот:
 — Что ж, господин Морозов, давайте начнём с пункта 3.4 вашего договора с поставщиками...

Я отхожу к окну, делая вид, что изучаю городской пейзаж. На губах — едва заметная улыбка. *Первый бой — за мной.*

Разъёрённое личико Антона — словно медовая маска на тело при массаже: липко и до одури приятно.

Инвесторы остались в восторге от встречи. А вот Антошка не спешил радоваться — он спешил меня прибить. Но я благополучно упорхнула на высоких каблуках, виляя бёдрами, в свой кабинет.

Седовласый инвестор — чьё имя я никак не запомню — поставил условие: я должна присутствовать на каждой встрече. И если буду занята исключительно этим проектом, то он увеличит свой взнос в три раза.

Вообще, мне кажется, я немного перегнула палку, если честно. Потому что глаза инвесторов в основном были у меня в декольте, нежели в контракте. И Антона перекосило от этого так, будто на него паралич напал. Я бы сфоткала его с удовольствием — чтобы потом поставить снимок на тумбочку у кровати.

Усевшись за стол, открываю календарь и начинаю высчитывать: сколько встреч, сколько переговоров, сколько бессонных ночей впереди. Сумма потенциального взноса крутится в голове, словно заевшая пластинка. *Трижды больше. Трижды больше.*

В дверь стучат. Не дожидаясь ответа, врывается Антон. Хлопает ладонью по столешнице так, что прыгают ручки в стакане.

— Ты что творишь?! — его голос звучит приглушённо, но в нём столько ярости, что по спине пробегает холодок. — Это был не театр одного актёра, Романова!

Я медленно поднимаю взгляд, нарочито спокойно складываю руки на груди.

— А по-моему, вышло неплохо. Инвестор доволен. Ты недоволен. В чём проблема?

— Проблема в том, что ты превратила серьёзную встречу в... в показ мод! — он делает шаг ближе, но тут же останавливается, будто боится подойти слишком близко. — Они смотрели не на цифры, а на твои...

— ...на мои аргументы? — приподнимаю бровь. — Или на мою компетентность? Может, ты просто не привык, что женщина может одновременно выглядеть хорошо и работать эффективно?

Он стискивает челюсти. Вижу, как пульсирует вена на шее.

— Не строй из себя жертву. Ты прекрасно знала, что делаешь.

— Конечно, знала, — улыбаюсь, но улыбка не согревает глаз. — И знаешь что? Это сработало. А теперь, если ты не против, у меня ещё сорок писем в почте, которые не прочитаны.

Антон замирает, явно подбирая слова, способные пробить мою броню. Но я не даю ему шанса:

— Если хочешь обсудить стратегию — назначь встречу через секретаря. У меня плотный график.

Он резко разворачивается, шагает к двери, но на пороге оборачивается:

— Это ещё не конец.

— О, я и не надеялась, — бросаю вслед, уже уткнувшись в монитор.

Когда дверь захлопывается, я наконец выдыхаю. Руки слегка дрожат. *Глупо. Безрассудно. Но так... волнующе.*

Достаю телефон, открываю галерею. Там — единственный снимок с сегодняшней встречи: Антон, застывший в полуобороте, с выражением лица, которое можно описать только как «смесь бешенства и восхищения».

Улыбаюсь. Сохраняю фото. Подписываю: «День 1. Победа».

Потом возвращаюсь к почте. Пора превратить эту шальную победу в систему.

Глава 3.

Закончила работу только ближе к двум часам ночи. Глаза щипало, голова гудела. Достаяю из ящика бутылку вина — возиться с бокалами не хотелось, домой ехать тоже не хотелось.

Антон наверняка уже дома: сидит на коленях у папочки и жалуется, какая у него плохая сводная сестра.

Делаю глоток из горла. Вино сладкое. Моё любимое красное винишко. Без него я бы уже сошла с ума.

Беру в руки телефон, включаю музыку и кидаю его на стол. Треки идут один за одним — ритмичные, бодрящие. Я же приступила к поиску квартиры рядом с офисом.

Варианты не из дешёвых, но я зарабатываю неплохо — и это лучше, чем жить в одном доме с Антоном.

Уже вижу, как он бесится и орёт, пытаюсь оставить меня при себе. Вижу недовольное лицо мамы и мерзкую ухмылку отчима.

Пролистываю объявления, отмечаю подходящие:

45 м², студия, 15 минут пешком до офиса — дороговато, но уютно;

68 м², одна спальня, панорамные окна — уже серьёзно, но и цена кусается;

32 м², компактная, в новом доме — самое то по бюджету, но без излишеств.

В ушах стучит ритм песни, а перед глазами — цифры, планировки, фото кухонь и гостиных.

Представляю, как переставляю мебель, вешаю шторы, ставлю на полку свои книги. Как не нужно будет каждое утро сталкиваться с Антоном в прихожей, выслушивать его колкие замечания, чувствовать на себе этот его взгляд — будто сканирует, разбирает на части.

Закрываю глаза, делаю ещё глоток. В груди — странное смешение тревоги и облегчения. Это правильно. Это нужно.

Но почему тогда внутри — будто натянутая струна?

Музыка сменяется на медленную, задумчивую. Я откидываюсь на спинку кресла, смотрю в окно. Город внизу — огни, редкие машины, тишина, которую не слышно в дневные часы.

Представляю, как буду возвращаться одна. Включать свет, ставить чайник, распаковывать коробки. Как никто не спросит: «Куда пошла?», «Почему задержалась?», «Ты опять в этом?»

Ничьих взглядов. Ничьих оценок. Ничьего присутствия.
Только моя музыка. Моё пространство. Моя жизнь.

Может, стоит просто взять и сделать всё одним днём? Завтра выходной. Поеду посмотрю самую большую квартиру — если всё как на картинке, сразу заключу договор.

К чёрту всех. Хочу свободы, хочу жизни, хочу любви. А пока я живу с ним в одном доме, будет лишь головная боль.

Достаю блокнот, выписываю ключевые пункты:

Позвонить агенту, подтвердить просмотр. Взять с собой документы для договора. Проверить инфраструктуру вокруг дома. Оценить уровень шума (не хочу просыпаться от грохота мусоровозов). Прикинуть, как расставить мебель (мысленно расставляю диван у окна, книжные полки вдоль стены, рабочее место у балкона). Уточнить условия парковки — не хочу каждый вечер играть в «найди место». Записать вопросы по коммунальным платежам и обслуживанию дома.

Выключаю компьютер, собираю вещи. В голове — чёткий план. В сердце — робкая надежда.

На выходе из офиса задерживаюсь у зеркала. Тёмные круги под глазами, но взгляд — твёрдый. Я готова.

Ночной воздух бьёт в лицо, отрезвляет. Сажусь в машину, завожу двигатель. В зеркале заднего вида мелькает силуэт — кажется, кто-то наблюдает из темноты. Но это, наверное, просто игра теней.

Еду домой — но уже мысленно там, в новой квартире, где нет места прошлому. Где я смогу наконец дышать свободно.

В голове сами собой складываются фразы для разговора с мамой. *«Мам, я переезжаю. Нет, это не импульсивное решение. Да, я уверена. Нет, обсуждать это с Антоном я не собираюсь»*. Представляю её растерянность, попытки уговорить остаться. Предвижу гнев отчима, его «разумные доводы» о том, что это непрактично, неразумно, не по-семейному.

Но каждый раз, когда эти мысли начинают меня тормозить, я возвращаюсь к картинке в голове: моя дверь. Мой замок. Мой ключ.

Подъезжаю к дому. Свет в окне нашей общей гостиной горит — значит, Антон ещё не спит. Отлично. Не хочу сталкиваться с ним сейчас, не хочу отвечать на вопросы, не хочу слушать его язвительные комментарии о том, как я «опять всё усложняю».

Тихо поднимаюсь по лестнице, проскальзываю в свою комнату. Бросаю сумку, падаю на кровать. Усталость накатывает волной, но внутри — странное возбуждение. Завтра всё изменится.

Закрываю глаза. Перед внутренним взором — план квартиры: просторная гостиная, кухня-ниша, спальня с большим окном. Я мысленно хожу по комнатам, прикасаюсь к стенам, представляю, как буду пить утренний кофе у подоконника, как буду слушать музыку, не боясь, что кто-то осудит мой вкус.

Утром я просыпаюсь с чувством, что по мне каток проехал. Во рту будто кошки нассали. Нужно было всё-таки пересилить себя и отвести свою тушку в душ перед сном. Но — увы и ах.

Ползу в душ. Маски, скрабы, уходовая косметика — и я снова человек. Несмотря на свои пышные формы и габариты, моя кожа — молочная и гладкая, без единой растяжки. Я ухаживаю за собой, я себе нравлюсь, я себя люблю.

Я больше не девчонка-студентка, которую гоношил любимый парень. Не та, кого он прилюдно унизил, сказав, что из-за веса я потею как свинья и от меня несёт кислятиной. Я всегда была чистоплотной, и дурно от меня не пахло. Но кому поверят? Рыжей пышке с низкой самооценкой — или первому секс-символу универа?

Вы угадали: естественно, не мне.

Те слова врезались в память, как зарубка на дереве. Сколько ночей я провела, разглядывая своё отражение в зеркале, выискивая изъяны, убеждая себя, что он прав? Сколько раз я отказывалась от любимых платьев, потому что «они подчёркивают то, что лучше скрыть»? Сколько раз я глотала слёзы, слыша за спиной перешёптывания?

Но теперь всё иначе.

Я научилась видеть красоту в своих изгибах, силу — в своей стойкости. Каждый шрам, каждая мелочь, которую он пытался превратить в недостаток, стали моими знаками отличия. Я не прячусь. Я — здесь. Я — настоящая.

Высушив волосы, наношу лёгкий макияж, надеваю лёгкое летнее платье, каблук — и спускаюсь на завтрак.

В кухне пахнет кофе и тостами. Мама уже за столом, листает газету. При виде меня поднимает глаза, улыбается:

— Доброе утро, Алиса. Выглядишь... свежо.

«Свежо» — это почти комплимент из её уст. Раньше она то и дело намекала, что мне стоит «слегка подтянуться», «быть поаккуратнее с десертами», «выбрать что-то более строгое». Теперь молчит. Или боится задеть, или наконец увидела: я не собираюсь меняться ради чужих ожиданий.

— Спасибо, — отвечаю нейтрально, наливаю себе кофе. — Я сегодня уезжаю на просмотр квартиры.

Мама замирает, складывает газету:

— Квартиры? Ты же говорила, что это просто мысли...

— Мысли превратились в планы.

— Но... а как же семья? Антон сказал, что вы могли бы...

— Антон, — перебиваю, ставя чашку чуть резче, чем хотелось, — не решает за меня.

Тишина. Только тиканье часов на стене.

Мама вздыхает, проводит рукой по столу:

— Ты уверена, что это не слишком резко? Мы ведь только... только стали одной семьёй.

Одной семьёй. Как будто это что-то меняет. Как будто общие ужины и вежливые улыбки стирают годы молчания, обиды, равнодушия.

— Мам, — говорю тихо, но твёрдо, — я хочу жить так, чтобы утром, глядя в зеркало, я видела не ошибки прошлого, а женщину, которая выбрала себя. Это не про вас. Это про меня.

Она молчит. В глазах — смесь тревоги и непонимания. Но я не жду одобрения. Я уже приняла решение.

Допиваю кофе, беру ключи:

— Я поеду. Позвоню позже.

Но через два шага врезаюсь в широкую грудь Антона. Поднимаю глаза и вижу его разъярённое, перекошенное лицо.

— Куда? — голос холодный, резкий.

— Я не обязана отчитываться, — пытаюсь обойти его, но он выставляет руку. — Дай пройти.

— Нет.

— Не поняла...

— Ты не переедешь. Я не разрешал.

— Что? А ты кто вообще? Оборзел?

Он даже не моргает — смотрит, словно пытается просверлить меня взглядом.

— Это не игра, Алиса. Ты не можешь просто взять и сбежать.

— Сбежать? — я невольно повышаю голос. — Это ты называешь «сбежать»? Взять ответственность за свою жизнь?

— Ты — часть семьи. Часть *нашей* семьи. И твои импульсивные решения влияют на всех.

— На всех? Или только на тебя? — делаю шаг ближе, не отводя взгляда. — Скажи прямо: тебе невыносимо, что я перестану быть под твоим надзором? Что не буду каждый день попадаться тебе на глаза?

Его губы кривятся в усмешке, но в глазах — ни капли юмора.

— Ты всё переворачиваешь. Я забочусь о тебе.

— Заботишься? — я едва не смеюсь. — Когда ты унизил меня перед всей группой? Когда распускал слухи? Когда смотрел, как меня травят, и молчал? Это твоя забота?

Он дергается, будто от удара. На секунду вижу в его взгляде что-то — вину? сожаление? — но оно тут же гаснет.

— То было давно.

— Для меня — вчера. Каждый раз, когда ты смотришь на меня свысока, я вспоминаю тот день. Каждый раз, когда ты говоришь «ты не справишься», я слышу те же слова. Ты думаешь, я не знаю, кто стоит за всеми этими «доброжелательными» советами от коллег? Кто шепчет, что мне рано брать крупные дела?

Антон молчит. Его рука всё ещё преграждает мне путь, но я вижу — он колеблется.

— Алиса... — начинает он, но я обрываю:

— Нет. Больше никаких «Алиса». Я уезжаю. И если ты думаешь, что можешь меня остановить, — попробуй. Но учти: я не та девочка, которую можно сломать парой слов.

Делаю шаг вперёд. Он не двигается. Ещё шаг — и его рука опускается.

Я прохожу мимо, чувствуя, как колотится сердце. Спина прямая, шаги уверенные. Не оглядываюсь.

Уже у двери слышу его голос — тихий, почти неслышный:

— Ты пожалеешь.

Останавливаюсь. Не оборачиваюсь, но отвечаю:

— Уже не жалею. Жалею о том, что было.

На мгновение повисает тишина — тяжёлая, вязкая, словно застывший сироп. Я жду. Чего? Не знаю. Может, его попытки догнать, схватить за руку, выкрикнуть что-то резкое. Может, хоть капли раскаяния.

Но он молчит.

Толкая дверь, ловлю своё отражение в стекле: лицо бледное, но глаза горят. В них — не страх. В них — решимость, острая, как лезвие.

Выхожу на улицу. Утренний воздух обнимает прохладой, будто говорит: «Ты свободна». Глубокий вдох — и я чувствую, как внутри разжимается тугой узел, годами сковывавший грудь.

Глава 4.

Блаженство, мать его! Всё получилось провернуть быстрее, чем я ожидала. Я ракетой летела домой собирать вещички — под негодование мамы и злые комментарии Антона.

— Ты совершаешь ошибку! — кричала мама, стоя в дверях моей комнаты. — Нельзя вот так, в одночасье...

— Можно, — отрезала я, запихивая в чемодан любимые книги. — И нужно.

Антон молча наблюдал из угла, скрестив руки на груди. Его взгляд — как рентген: будто пытался найти слабое место, точку, куда ударить, чтобы я передумала. Но я даже не смотрела в его сторону. Каждое движение — чёткое, выверенное. Я знала: если замешкаюсь, если дам себе секунду на раздумья — могу дрогнуть.

И вот я просыпаюсь в своей квартире. Без надзора. Без комментариев.

Потягиваюсь, довольная собой. Солнечный луч пробивается сквозь незашторенное окно, рисует на полу золотой прямоугольник. Тишина — такая глубокая, что слышно, как тикают часы на кухне.

Вскакиваю с кровати и бреду на кухню. Боже, храни доставку и тех, кто её придумал! После скорого переезда мне было дико лень плестись в магазин. В холодильнике — пара йогуртов, упаковка сыра и бутылка воды. На столе — меню из трёх ближайших кафе.

Улыбаюсь. Это моя первая утренняя свобода.

Подхожу к окну. Восьмой этаж — город как на ладони. Где-то там, в лабиринте улиц, остаётся прошлое: дом, где я чувствовала себя пленницей, лица, которые то и дело напоминали мне, кем я «должна быть». А здесь — только я. И мои правила.

Раздаётся звонок в дверь.

Настораживаюсь: кто это? Я никого не жду.

Открываю — на пороге курьер с коробкой.

— Заказ для Алисы Романовой. Распишитесь.

Беру коробку, недоумённо верчу в руках. Нет ни записки, ни отправителя. Расписываюсь и захлопываю дверь.

Разрезаю скотч, открываю — внутри букет белых лилий и конверт.

Достаю листок.

«Ты думала, я просто так тебя отпущу? Ты моя Алиса. Покинув наш семейный дом, ты лишь дала мне шанс подобраться ближе.» А.»

Сердце делает резкий толчок. Бросаю взгляд на окно, подхожу ближе. В глубине двора, у чёрного внедорожника, стоит он. Антон. Руки в карманах, взгляд — нечитаемый.

— Да чтоб тебя! — рычу.

Не сводный брат, а чудовище на гусиных лапках. Большой ошибкой было в универе верить его сладким речам и уж тем более ложиться с ним в постель.

«Я люблю пышек, Алиса...» — эхо его слов до сих пор звучит в голове, отравляя память. Бла-бла-бла. Пустые фразы, брошенные ради мгновенного удовольствия. Ни заботы, ни уважения — только игра, в которой я была пешкой.

Ну почему мама выбрала в мужа именно его папашу? Столько мужиков вокруг. А она взяла и связала нашу жизнь с этой семьёй — с ним. Теперь я не могу даже спокойно спать, зная, что он где-то рядом, следит, ждёт момента, чтобы снова влезть в мою голову.

Отхожу от окна, сжимаю листок в кулаке. Бумага хрустит, поддаваясь силе. Хочу разорвать его послание на мелкие клочки, но останавливаюсь. Нет. Это слишком просто. Пусть останется целым — как напоминание о том, кем он является на самом деле.

Ставлю вазу с лилиями на подоконник. Цветы прекрасны — белоснежные, с тонкими зелёными стеблями, они будто излучают свет. Но их красота кажется мне ядовитой. Как он сам: внешне безупречен, а внутри — пустота и расчёт.

Закрываю глаза, делаю глубокий вдох. Вспоминаю вчерашний вечер — как распаковывала коробки, расставляла книги. Как впервые за много лет почувствовала: это *мой* дом. Не его. Не семейного гнезда, где я всегда была «недостаточно». Здесь я могу быть собой.

Открываю глаза. Антон всё ещё там. Стоит, не двигаясь, словно статуя. Ждёт? Надеется, что я выйду? Что дрогну и вернусь?

— Мечтай, — шепчу, отворачиваясь от окна.

Иду в спальню, достаю из ящика стола старый дневник. Нахожу страницу с записями времён универа — наивные мысли, мечты, надежды. Перечитываю строки о нём, о том, какой он «особенный», «не такой, как все». Смешно. Горько.

Выдёргиваю страницу, рву её на части. Мелкие обрывки летят в мусорное ведро.

— Всё, — говорю вслух. — Больше никаких иллюзий.

Возвращаюсь к окну. Антона уже нет. Внедорожник исчез, оставив после себя лишь лёгкое облако пыли.

Улыбаюсь.

— Вот и отлично.

Глава 5.

Вы верите в «долго и счастливо»? Я — нет.

После благословенных выходных в одиночестве и тишине на меня обрушилась лавина маминых сообщений.

Сначала — просьбы: *«Алиса, давай поговорим. Это всё слишком резко...»*

Потом — намёки: *«Ты же понимаешь, как это выглядит со стороны?»*

А теперь — почти угрозы: *«Если ты не вернёшься, нам придётся принять меры»*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.